

Е. Г. Калабина^{а)}, М. Р. Газизова^{б)}, Ж. С. Хусаинова^{в)}^{а)} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация^{б)} Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация^{б, в)} Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан^{а)} <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-7149-5130>, e-mail: gazizova-maiya@mail.ru^{в)} <https://orcid.org/0000-0002-2617-838X>

Структурная динамика занятости населения старшего возраста стран — участниц Евразийского экономического союза¹

Активная трудовая занятость населения старших возрастов становится драйвером решения вопросов, вызванных демографическим старением населения. Возрастание значимости населения старшего возраста на рынке труда обуславливает создание благоприятных условий для реализации его ресурсного потенциала. Цель исследования — оценивание структурных изменений трудовой занятости работников старших возрастов по видам экономической деятельности в странах ЕАЭС для определения позитивных отраслей для возможного продолжения трудовой занятости населения. Гипотеза исследования: Среди стран ЕАЭС существуют отрасли со схожими тенденциями к возрастанию занятости работников старших возрастов в условиях различий трудового потенциала. В исследовании выявлены тенденции изменений занятости старших возрастных групп, систематизированы теоретические подходы к изучению возможностей развития трудовой занятости работников старшего возраста, оценены структурные различия занятости по видам экономической деятельности на основе выбранной методологии и методического инструментария и разработаны рекомендации по поддержке отраслей, создающих условия для увеличения занятости старших возрастных групп. Проведен анализ занятости старших возрастных групп с использованием интегральных коэффициентов структурных сдвигов Гатеева и Рябцева для количественной оценки изменений по странам ЕАЭС. На основе статистических данных о занятости населения с 2014–2019 гг. стран — участниц ЕАЭС в результате выявлено, что продолжать трудовую деятельность население старших возрастов для стран ЕАЭС (кроме Армении) может в деятельности по операциям с недвижимым имуществом, в гостиницах и на предприятиях общественного питания, в области здравоохранения и социальных услуг. Предложенные рекомендации могут быть использованы в разработке государственных мер для стимулирования занятости работников старших возрастов с учетом видов экономической деятельности, включающей развитие предпринимательства в старшем возрасте, расширение информационной среды для привлечения к занятости старших возрастов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, старение населения, занятость населения старшего возраста, коэффициенты структурных сдвигов, виды экономической деятельности, отраслевая структура рынка труда, стимулирование занятости старшего возраста, предпринимательство старших возрастных групп, трудовая занятость, структурная занятость

Для цитирования: Калабина Е. Г., Газизова М. Р., Хусаинова Ж. С. Структурная динамика занятости населения старшего возраста стран — участниц Евразийского экономического союза // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 842–854. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-9>.

¹ © Калабина Е. Г., Газизова М. Р., Хусаинова Ж. С. Текст. 2021.

RESEARCH ARTICLE

Elena G. Kalabina ^{a)}, Maiya R. Gazizova ^{b)}, Zhibek S. Khussainova ^{c)}

^{a)} Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

^{b)} Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

^{b, c)} Buketov Karaganda University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

^{a)} <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665>

^{c)} <https://orcid.org/0000-0002-7149-5130>, e-mail: gazizova-maiya@mail.ru

^{b)} <https://orcid.org/0000-0002-2617-838X>

Structural Dynamics of Employment of Older People in the Eurasian Economic Union Countries

Employment of older people can help solve problems arising from the population ageing. The growing demand for such employees creates favourable conditions for the realisation of their resource potential. In order to identify potential sectors for the employment of older workers, the study assesses structural shifts in the labour market by type of economic activity in the Eurasian Economic Union (EAEU). It was hypothesised that, despite labour potential differences, the EAEU countries have similar industries characterised by positive trends toward increasing employment of older workers. After identifying these trends, the research classified theoretical approaches to the study of employment opportunities for older adults. The assessment of structural differences in employment by type of economic activity was conducted based on the selected methodology. To quantify changes in the EAEU countries, employment of older workers was analysed using the integral coefficients of structural shifts of Gatev and Ryabtsev. According to statistics on the population employment for 2014–2019, older people of the EAEU countries (except Armenia) can continue to work in real estate transactions, hotels and public catering establishments, as well as in the field of health care and social services. To stimulate the employment of older workers in these areas, state measures, based on the proposed recommendations, can focus on promoting entrepreneurship and expanding the information environment for older people.

Keywords: Eurasian Economic Union, population ageing, employment of older people, structural shift indices, types of economic activity, sectoral structure of the labour market, promotion of employment of older people, entrepreneurship of older people, labour employment, structural employment

For citation: Kalabina, E. G., Gazizova, M. R. & Khussainova, Zh. S. (2021). Structural Dynamics of Employment of Older People in the Eurasian Economic Union Countries. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(3), 842-854, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-9>.

Введение

Тенденция повышения занятости лиц старшего возраста, которая детерминирована увеличением численности населения старших возрастов, наблюдается не только в развитых странах, но и развивающихся, в том числе и в странах Евразийского экономического союза.¹ Так, в странах — участницах Евразийского экономического союза, в которых относительная доля людей старших возрастов неуклонно растет, возникает вопрос качества жизни этой возрастной группы.

Старение населения означает рост числа здоровых представителей старших возрастов, обладающих человеческим капиталом, финансовыми ресурсами и временем для участия в экономической деятельности [1]. Однако экономический потенциал людей старших возра-

тов остается в основном недоиспользуемым, что приводит к вопросу о том, как наилучшим образом использовать недоиспользуемое [2].

Старение населения ставит перед обществом необходимость решения проблем, которые напрямую связаны с продлением активного долголетия.² Следует отметить, что для исследуемых стран характерна тенденция роста вовлеченности в трудовой процесс пожилых людей (рис. 1).

Положение работников старшего возраста на рынке труда ЕАЭС заметно улучшилось — значительно повысился уровень их занятости³.

² Государственная социальная поддержка пожилых граждан. URL: http://mintrud.gov.by/ru/news_ru/view/gosudarstvennaja-sotsialnaja-podderzhka-pozhilyx-grazhdan-_2882

³ О рынке труда в Евразийском экономическом союзе 2019 год. Аналитический обзор 30 ноября 2020 г. Статистика Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/labourmarket_2019.pdf (дата обращения: 22.04.2021).

¹ World Population Prospects 2019: Highlights. Department of Economic and Social Affairs Population Division. United Nations New York, 2019. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

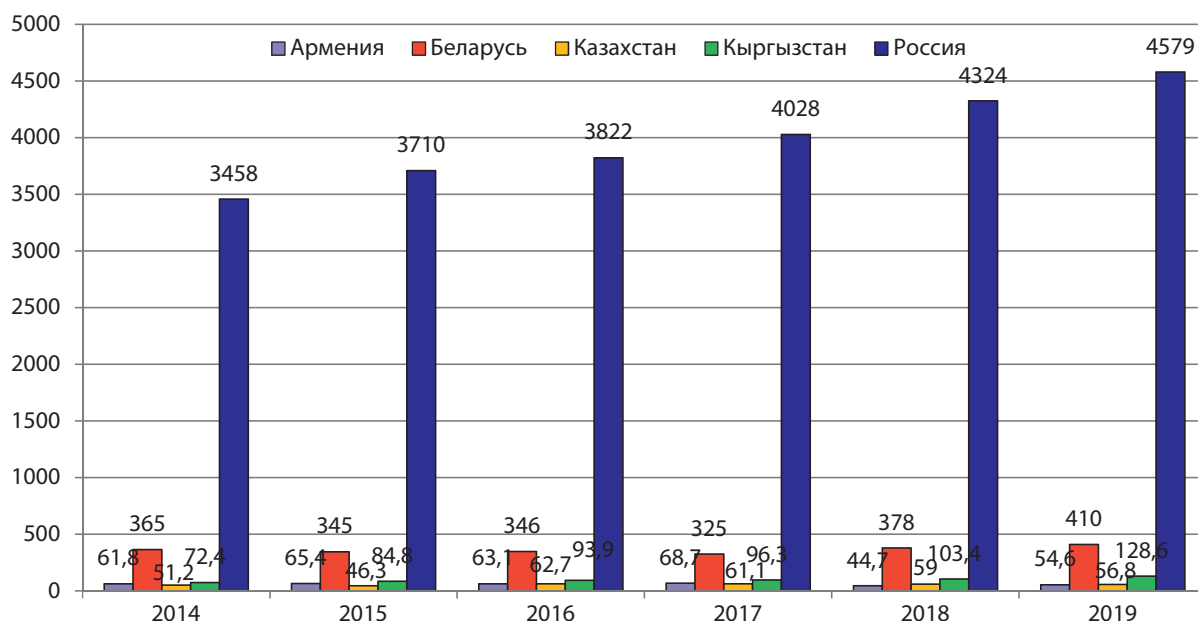

Рис. 1. Динамика показателей занятости населения старшей возрастной группы в странах — участницах ЕАЭС за 2014–2019 гг., тыс. чел. (источники: составлено и рассчитано авторами по данным национальных статистических служб стран ЕАЭС)

Fig. 1. Dynamics of employment indicators of older people in the EAEU countries for 2014–2019, thousand people

Во многих странах применяют различные формы и способы стимулирования занятости лиц старшего возраста [3]. В некоторых странах все чаще поощряют дальнейшее участие работников старших возрастов на рынке труда, стремясь устранить барьеры на пути продления трудовой жизни и предоставить работникам больше выбора [4]. В большинстве стран в последние годы были проведены реформы для продолжения трудовой деятельности людей старшего возраста. В последнее время в странах ЕАЭС вследствие роста продолжительности жизни и экономической ситуации осуществляется поэтапное увеличение пенсионного возраста, при этом изменение в большей степени повлияло на женщин.

Кроме того, в странах ЕАЭС реализуются государственные программы, направленные на стимулирование занятости населения старшего возраста [5]. Так, в России реализуется «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». В Казахстане утвержден Национальный план действий по улучшению положения граждан старшего поколения «Активное долголетие» в Республике Казахстан до 2025 г. Также разработана Национальная стратегия Республики Беларусь «Достойное долголетие — 2030» и реализуется План мероприятий по повышению качества жизни пожилых граждан в Киргизской Республике на 2019–2025 гг.

Таким образом, сегодня возрастает актуальность исследования трудовой деятельности старших возрастных групп в аспекте демографических трансформаций. Научной новизной исследования является выявление отраслей с позитивными тенденциями в использовании труда работников старших возрастов, которые характерны для стран евразийской интеграции.

Теоретическая платформа исследования

Обзор и систематизация теоретических оснований для изучения проблемы занятости старших возрастных групп позволяют нам выделить несколько сложившихся направлений исследований, охватывающих как вопросы целесообразности и обоснованности инвестиций в человеческий капитал населения старших возрастов, так и особенности трудовой занятости и поведения пожилого населения.

Так, исследуя человеческий капитал старших возрастных групп, Н.Н. Шестакова, Е.Г. Васильев, Н.Е. Чистякова выделяют необходимость сбережения и использования человеческого капитала, накопленного старшим поколением на протяжении жизни. Они также отмечают, что формируется необходимость не только разработки государственной политики в направлении помощи населению старшего возраста, но и активного участия старшего поколения в общественных процессах [6].

В качестве сильных сторон у работников старших возрастов авторы (Д.В. Круглов, И.Ю. Парик, О.Д. Круглова) определяют более скромное денежное вознаграждение и гибкие формы занятости. По их мнению, население старшего возраста является одним из главных ресурсов воспроизводства трудового потенциала [7].

Следует назвать исследование В.Н. Барсукова, в котором определяется социологический портрет пожилого работника: «...Опытный и ответственный работник, к его мнению прислушиваются, однако он отличается достаточно консервативным подходом к выполнению своих обязанностей и с трудом адаптируется к инновациям» [8].

В экономически развитых странах достаточно большое количество исследований посвящено занятости населения старшего возраста, так как стимулирование занятости работников старшего возраста и формирование условий для их успешной адаптации к меняющимся требованиям рынка труда относятся к числу преимуществ социальной модели [9].

Значимый вклад в исследование структуры экономики и занятости внес К.Г. Кларк. В своей работе «Условия экономического прогресса» он подчеркивает, что значительная доля рабочей силы занята в сфере услуг в постиндустриальном обществе. Предложенная К.Г. Кларком структура экономики придала большое значение в экономике страны видам деятельности, связанным с услугами [10].

Отраслевая структура занятости работников старших возрастов, как отмечают А.Л. Лукьянова и Р.И. Капелюшников, является более инертной и «традиционалистской». Профессиональная и отраслевая структура занятости работников старшего возраста показывает сдвиги от низкоквалифицированной занятости к высококвалифицированной, от физического труда к интеллектуальному, от материального производства к сфере услуг [11].

Ю.В. Сониная и М.Г. Колосницына выделяют две возможности продолжения трудовой деятельности работников старших возрастов, которые предопределены направлением занятости до пенсионного возраста. Если работник старшего возраста трудился в одной из структур бюджетной сферы, то после наступления пенсионного возраста, скорее всего, он продолжит трудовую карьеру в данном направлении. Если работник старшего возраста был занят в другой сфере деятельности, по всей вероятности ему придется сменить работу и траекторию занятости [12].

Как отмечает Т.В. Сарычева в своем исследовании, происходящие в структуре занятости изменения характеризуют важнейшие процессы на рынке труда, особенно понимание экономической трансформации, которая является предпосылкой для развития и эффективной работы институтов распределения и перераспределения труда [13].

Оценивая влияние размера пенсий, уровня здоровья и особенностей спроса на труд на экономическую активность старшего поколения в России, В.Ю. Ляшок отмечает, что пенсии являются важными факторами, которые определяют трудовую деятельность старшего поколения [14].

Работы ученых, посвященные анализу трудового поведения лиц старших возрастных групп на рынке, охватывают широкий спектр вопросов [15]. К настоящему времени сформировался ряд теоретических и прикладных исследований по трудоустройству населения старшего возраста [16]. Тем не менее, оценка и анализ структурных изменений в занятости работников старших возрастов по видам экономической деятельности стран евразийской интеграции недостаточно изучены.

Данные и методы

Методы исследования опирались на изучение структурной динамики занятости населения старшего возраста по видам экономической деятельности. В качестве объекта исследования выбрано население старшей возрастной группы (60 лет и старше). Национальные выборки репрезентативны для населения в возрасте 60 лет и старше. Однако для России, Беларуси и Кыргызстана данные занятого населения рассматриваются старше 60 лет, для Казахстана и Армении — старше 65 лет, что обусловлено различием методологических расчетов статистических служб стран.

Методика определения структурных изменений предполагает расчет такого параметра, как величина массы структурных сдвигов по видам экономической деятельности в странах ЕАЭС, рассчитываемого по формуле [13, с. 97]:

$$M_{ij} = D_{t,j} - D_{0,j}, \quad (1)$$

где $D_{t,j}$ — доля занятого населения старшего возраста в j -м виде экономической деятельности в t -м году (%); $D_{0,j}$ — доля занятого населения старшего возраста в j -м виде экономической деятельности в базисном году (%).

Оценка массы структурных сдвигов позволила сгруппировать виды экономической де-

тельности, в которых установились тенденции к увеличению удельного веса работников старшего возраста, где присутствуют тенденции к снижению удельного веса работников старшего возраста и нет изменений [17]. Для количественной оценки структурных различий был использован коэффициент возможных структурных различий, или коэффициент Гатева, так как он не зависит от числа последовательности совокупности [16, с. 90]:

$$I_G = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum_{i=1}^n d_{i0}^2 + \sum_{i=1}^n d_{i1}^2}}, \quad (2)$$

где d_{i0} , d_{i1} — удельные значения элементов в двух сравниваемых совокупностей; n — число градаций в структурах.

На основе использования коэффициента Гатева можно оценить структурные различия в занятости старшего поколения по видам экономической деятельности, где в качестве удельного значения элементов в сравниваемых совокупностях используются доля занятых старшего возраста в экономике и доля работников старшего возраста в общей структуре занятости старшего поколения в определенном виде экономической деятельности [18].

Кроме того, для оценки структурных изменений применен интегральный коэффициент структурных различий — индекс Рябцева [13, с. 107]:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{i1} + d_{i0})^2}}, \quad (3)$$

где d_{i0} , d_{i1} — удельные значения элементов в двух сравниваемых совокупностях; n — число градаций в структурах.¹

Индекс Рябцева — это отношение фактической меры расхождений значений элементов двух структур к их максимально возможному значению [19].

Для исследования выбраны показатели занятости старшего поколения по видам экономической деятельности за 2014–2019 гг. по странам ЕАЭС.

Полученные результаты

В связи со спецификой методологии статистической службы Армении не удалось рассчитать структурные изменения в занятости населения старшего возраста. Следовательно, произведен расчет по 4 странам ЕАЭС.

Для определения отраслей с высоким потенциалом роста уровня занятости лиц старшего возраста был проведен структурный анализ экономики с позиции занятости старшей возрастной группы по видам экономической деятельности. Для этой цели определена масса структурного сдвига — как разница доли структурного показателя (доля работников старших возрастов по каждому виду экономической деятельности) в текущем периоде и доли этого же показателя в базовом периоде (2014 г.).

Для Беларуси базисным периодом для расчета массы структурных сдвигов в занятости населения старших возрастов использованы статистические данные за 2017 г., так как, согласно данным национальной статистической службы, приведены сведения по показателям численности работников по возрастным группам и видам экономической деятельности за предыдущие периоды, где максимальный возрастной рубеж указан старше 55 лет. Следовательно, для сопоставления результатов использованы величины удельного веса работников старшего возраста (60+) по каждому виду экономической деятельности за 2017–2019 гг. (рис. 2)².

Значительное значение удельного веса работников старших возрастов характерно для отрасли «операции с недвижимым имуществом», где самая высокая доля работников 60+ по сравнению с другими сферами.

Анализ массы структурных сдвигов в занятости населения старших возрастов по видам экономической деятельности в Беларуси показал постоянно возрастающую положительную массу структурного сдвига на протяжении рассматриваемого периода и рост удельного веса работников старшего возраста практически во всех отраслях, кроме отрасли «информация и связь».

Согласно данным статистической службы Казахстана, больше всего работники 65+ заняты в сельском, лесном и рыбном хозяйстве. На основе анализа показателей занятости лиц старшего возраста можно разделить виды экономической деятельности за 2014–2019 гг.

¹ Челомбитко А. Н. Формирование и развитие занятости пожилых людей в современной экономике России: дис. ... канд. экон. наук. Кемерово, 2018. 202 с.

² Официальные данные Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_10917/ (дата обращения: 15.04.2021).

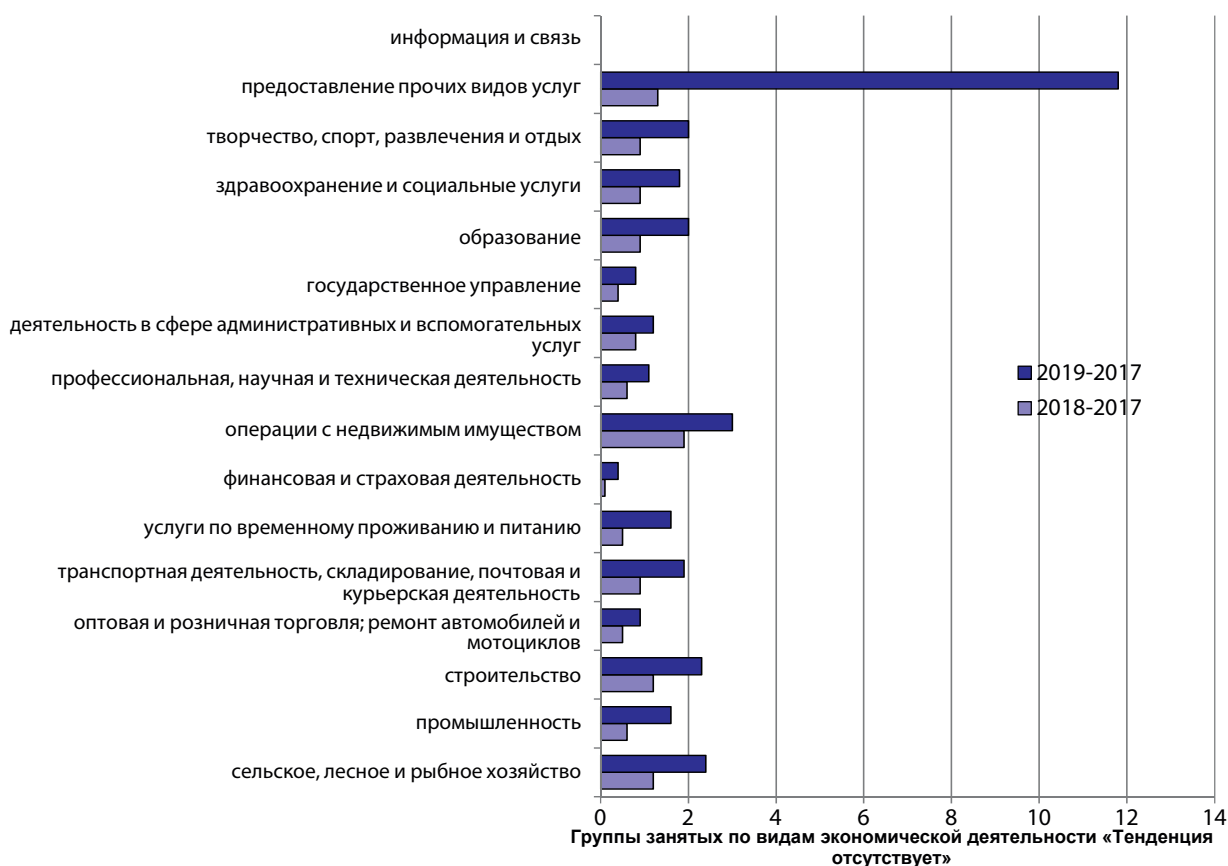

Рис. 2. Динамика показателей массы структурных сдвигов в 2017–2019 гг. по Беларуси, % (источник: составлено и рассчитано авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь)

Fig. 2. Dynamics of structural shift indices in 2017–2019 in Belarus, %

на три группы по изменению величины массы структурных сдвигов (рис. 3)¹.

В группу, где наблюдалась динамика роста доли занятого населения старшего возраста, вошли отрасли, связанные с сельским, лесным и рыбным хозяйством и предоставлением услуг. Два вида экономической деятельности отличились негативной тенденцией удельного веса работников старшего возраста. В 9 видах экономической деятельности в Казахстане величина удельного веса занятого населения 65+ осталась практической неизменной.

В Киргизской Республике больше всего работников 60+ вовлечены в операции с недвижимым имуществом из общего количества занятых в данной отрасли.

В Кыргызстане во многих сферах наблюдался рост показателей массы структурных сдвигов на 2014–2019 гг. (рис. 4)². В двух ви-

дах экономической деятельности отмечается снижение удельного веса работников старшего возраста и две сферы практически сохранили свои позиции по сравнению с базисным 2014 г. (добыча полезных ископаемых, административная и вспомогательная деятельность).

Методика расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда актуализирована согласно методологии статистической службы России. Следовательно, для оценки динамики занятости населения 60+ по некоторым видам экономической деятельности начиная с 2017 г. (рис. 5)³.

На основе расчетов массы структурных сдвигов по России можно выделить 9 отраслей, где наблюдался рост удельного веса работников старшего возраста, к группе с отрицательной динамикой относятся прочие виды услуг,

¹ Официальные данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/publication> (дата обращения: 15.04.2021).

² Официальные данные национального статистического комитета Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/zanyatost-i-bezrabotica-itogi-integririvannogo-vyborochnogo-obsledovaniya-byudzheto-domashnih-hozyajstv-i-rabochej-sily-v-2013g/> (дата обращения: 15.04.2021).

³ Официальные данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 15.04.2021).

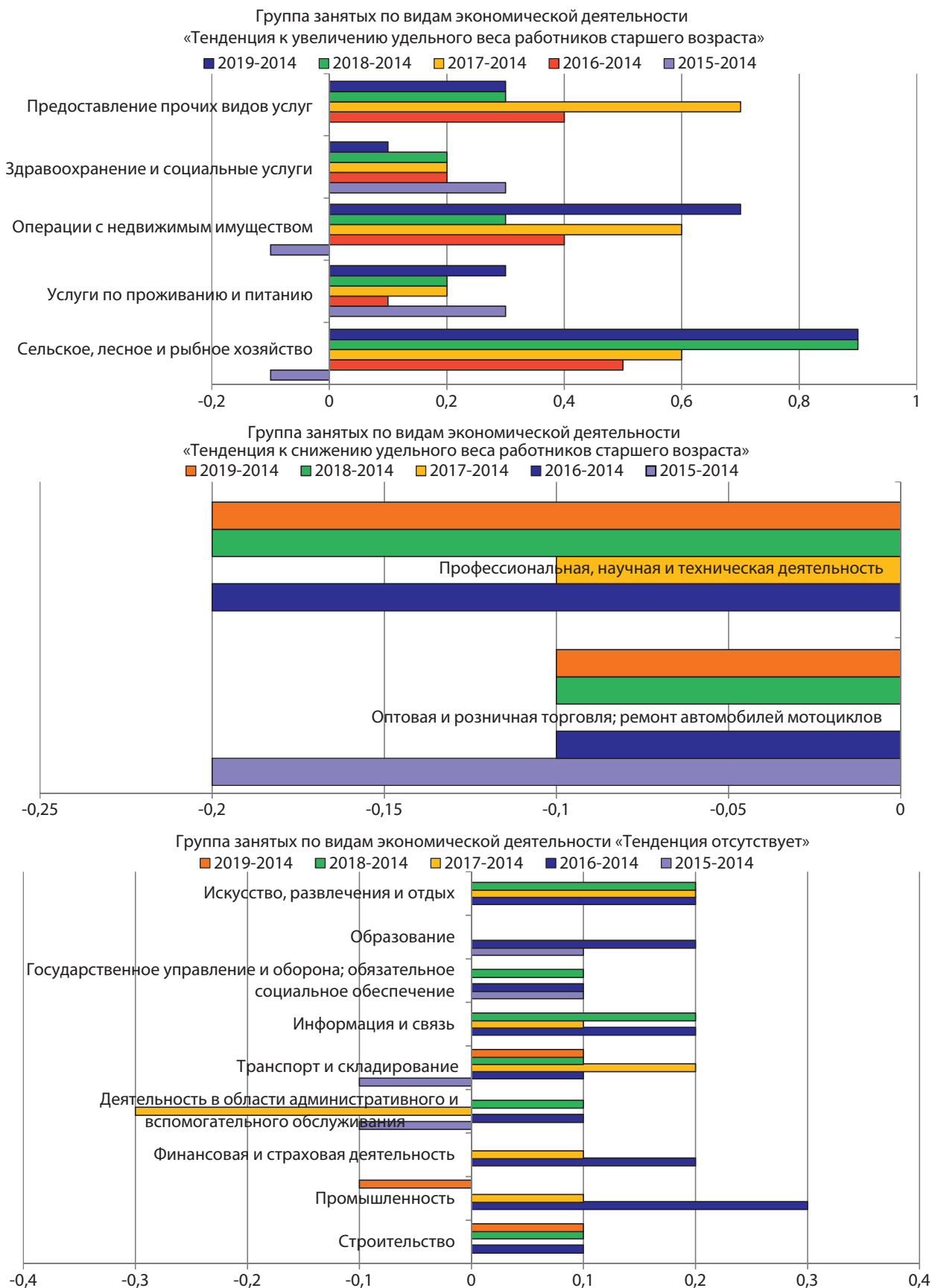

Рис. 3. Динамика показателей массы структурных сдвигов в 2014–2019 гг. по Казахстану, % (источник: составлено и рассчитано авторами по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан)

Fig. 3. Dynamics of structural shift indices in 2014–2019 in Kazakhstan, %

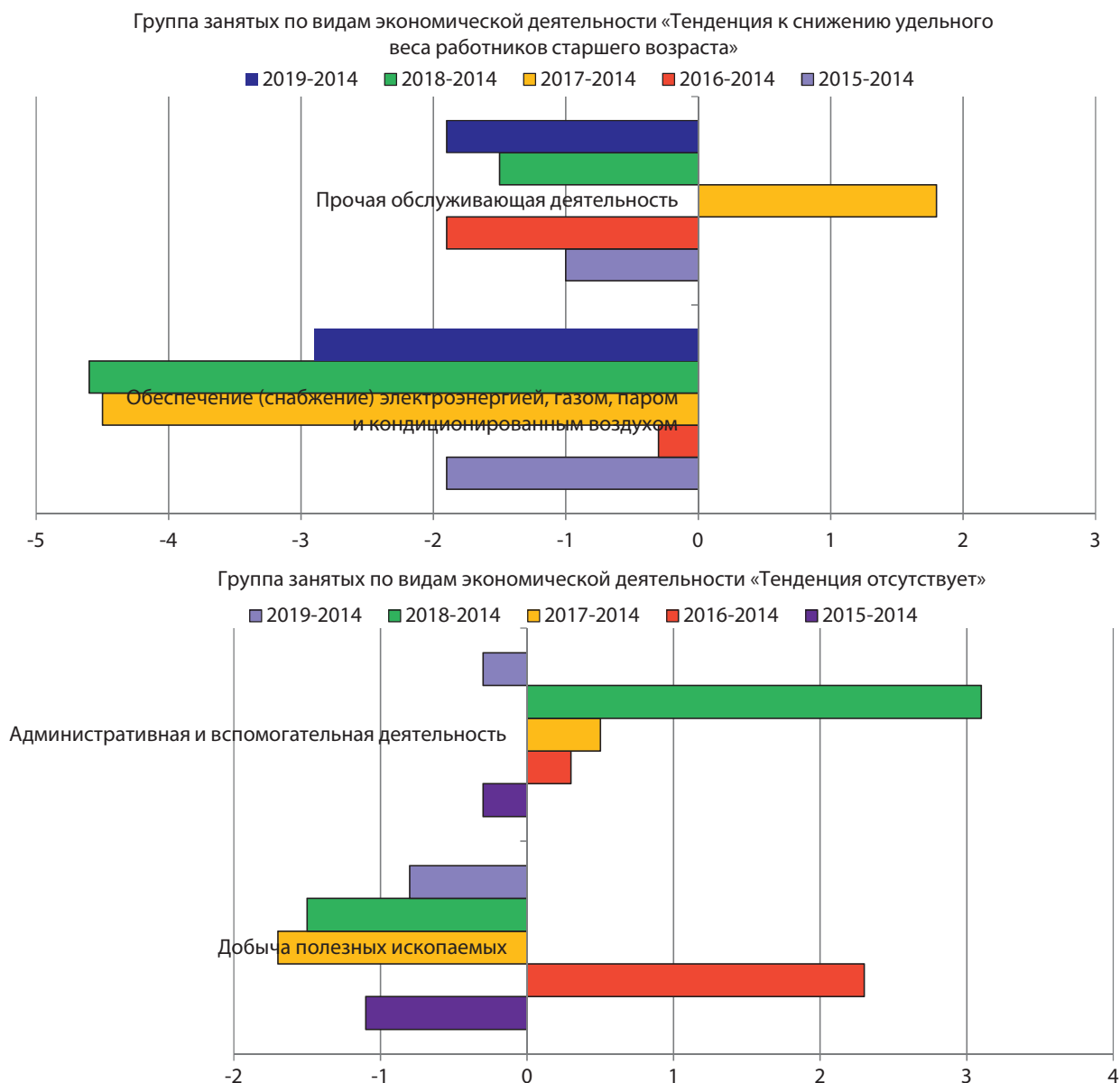

Рис. 4. Динамика показателей массы структурных сдвигов в 2014–2019 гг. по Кыргызстану, % (источник: составлено и рассчитано авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики)

Fig. 4. Dynamics of structural shift indices in 2014–2019 in Kyrgyzstan, %

Таблица

Динамика индексов структурных различий в структуре занятости населения старших возрастов по видам экономической деятельности, 2014 г., 2019 г. в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России

Table

Dynamics of structural differences in employment of older people by type of economic activity, 2014, 2019 in Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia

Страна	Период	Индекс Гагева, %	Индекс Рябцева, %
Беларусь	2014	0,49	0,37
	2019	0,39	0,34
Казахстан	2014	0,97	0,94
	2019	0,96	0,92
Киргизия	2014	0,32	0,28
	2019	0,62	0,55
Россия	2014	0,39	0,30
	2019	0,29	0,22

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным национальных статистических служб стран — участниц ЕАЭС.

третья группа, где тенденция отсутствует, связана со сферой сельского, лесного хозяйства, охотой, рыболовством и рыбоводством.

Расчет результатов индексов структурных сдвигов в занятости населения старших возрастов в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России представлен в таблице.

Таким образом, сравнительный анализ значения индексов Гатева и Рябцева позволил сделать вывод, что структура занятости населения старших возрастов по видам деятельности относительно устойчива в течение рассматриваемого периода в Беларуси, Казахстане и России. Однако результат по Киргизской Республике

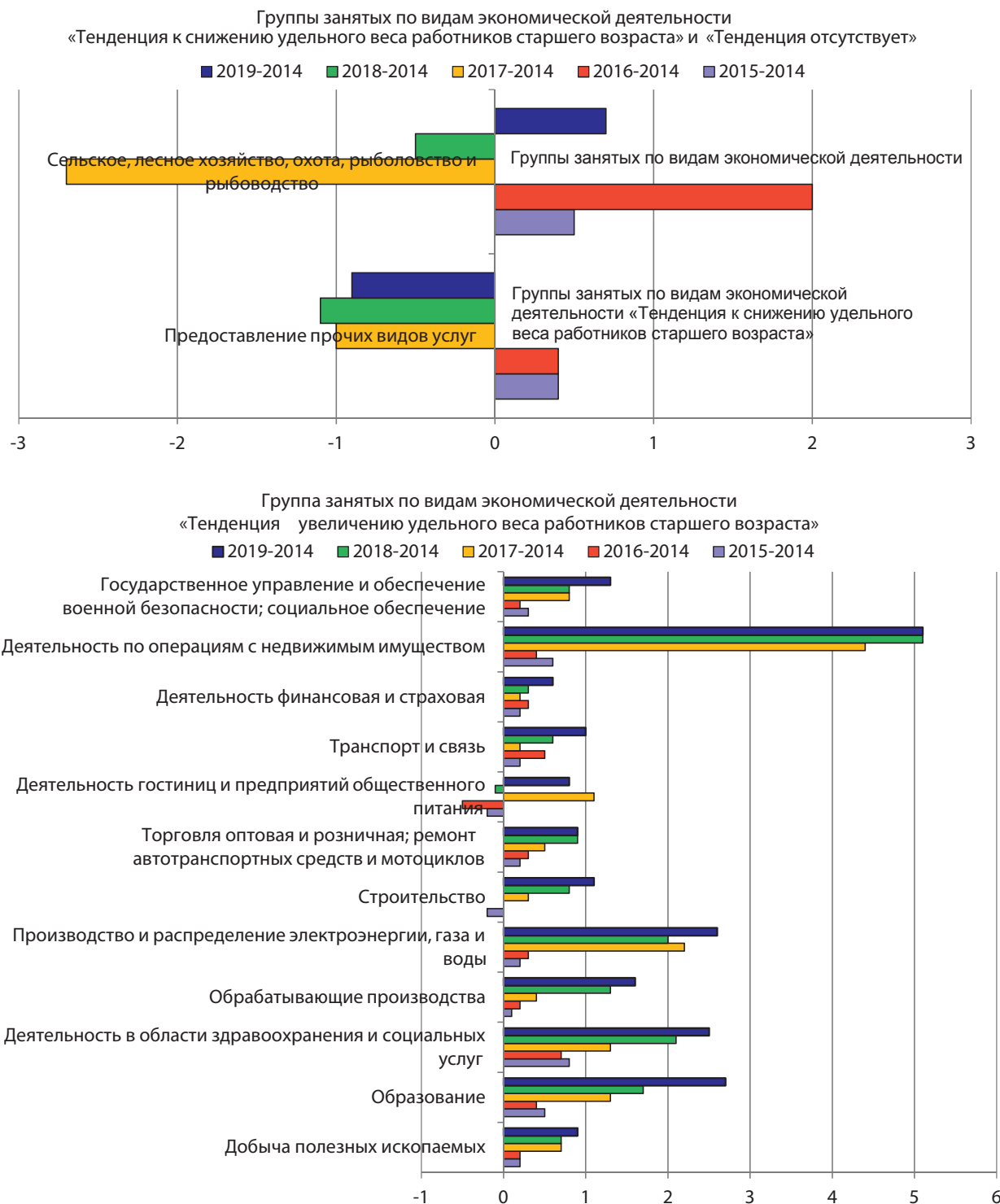

Рис. 5. Динамика показателей массы структурных сдвигов в 2014–2019 гг. по России, % (источник: составлено и рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации)

Fig. 5. Dynamics of structural shift indices in 2014–2019 in Russia, %

демонстрирует структурные различия в занятости старшего поколения.

Самые значимые изменения в структуре занятости населения старшего возраста отмечаются в Казахстане. Высокие показатели индексов структурных различий в Казахстане обусловлены тем, что, согласно методологии Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформ Республики Казахстан, возрастной рубеж, представленный в данных о занятом населении по видам экономической деятельности, указан 65 лет и старше.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что процесс демографического старения населения в странах ЕАЭС актуализирует трудовую деятельность населения старшего возраста и обуславливает формирование поддержки по вопросам стимулирования занятости населения старших возрастов. Проведенное исследование позволило обнаружить, что структура занятости населения старших возрастных групп в Беларуси, Казахстане, России за рассматриваемый период не подверглась существенному изменению.

Для каждой из стран евразийской интеграции характерна определенная сложившаяся к настоящему времени отраслевая специфика национальной экономики. Результаты исследования позволили определить отрасли, в которых наблюдается тенденция роста трудовой занятости работников старших возрастов для всех стран — участниц ЕАЭС (кроме Армении):

— деятельность по операциям с недвижимым имуществом. Нельзя не подчеркнуть, что для данной отрасли характерна высокая доля участия занятого населения старших групп во многих странах ЕАЭС (Беларусь, Кыргызстан, Россия);

— деятельность гостиниц и предприятий общественного питания;

— деятельность в области здравоохранения и социальных услуг.

Государства могут сфокусировать внимание на разработку системы мер по поддержке занятости старших возрастных групп в компаниях

в данных отраслях. Кроме того, коронавирусная инфекция внесла свои коррективы во все сферы занятости населения и раскрыла возможности трудовой деятельности населения старших возрастов [21]. Пандемия наглядно продемонстрировала необходимость углубления нашего понимания структуры, происхождения и последствий взглядов на старение в целях повышения благосостояния на протяжении всей жизни, которое, в свою очередь, внесло коррективы в структуру рынка труда во всех странах, особенно повлияло на изменения занятости населения старших возрастов, которые являются одной из основных групп риска во время пандемии.¹

Глобализация и технологические изменения привели к изменению характера труда. В этой связи важными задачами государства являются увеличение гибкости рынка труда и обеспечение занятости населения старших возрастных групп в отраслях с позитивными тенденциями к возрастанию. Решение этих задач включает в себя стимулирование предпринимательства в старших возрастных группах, которое является перспективным вариантом продления трудовой жизни старшего поколения, сокращения безработицы среди лиц старшей возрастной группы, повышения социальной интеграции старшего поколения и, в меньшей степени, повышения инновационного потенциала экономики путем использования человеческого и социального капитала старшего поколения через новые инновационные стартап проекты [23–24], расширение информационной осведомленности населения старших возрастных групп о возможных изменениях на рынке труда, смена стереотипных представлений о занятости работников старших возрастов в обществе, развитие наставничества работников старших возрастов как обмен профессиональным опытом и знаниями с молодыми сотрудниками, также поощрение населения старших возрастов к участию в бизнес-наставничестве [25].

¹ Promoting the labour force participation of the older Canadians. URL: <https://www.canada.ca/en/employment-social-development/corporate/seniors/forum/labour-force-participation.html> (дата обращения: 20.04.2021).

Список источников

1. Weber P., Schaper M. Understanding the grey entrepreneur // Journal of Enterprising Culture. 2004. Vol. 12, No. 2. P. 147–164. <https://doi.org/10.1142/S0218495804000087>.
2. Population and labour force projections for 27 European countries, 2002–052: impact of international migration on population ageing / Bijak J., Kupiszewska D., Kupiszewsk M., Kicing A. // European Journal of Population. 2007. 23, 1. <https://doi.org/10.1007/s10680-006-9110-6>.

3. Калабина Е. Г., Газизова М. Р. Стимулирование занятости старшего поколения. Зарубежный опыт // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 2. С. 111–122. doi: 10.18334/et.8.2.111753.
4. Lozano M., Aida Solé-Auró Happiness and life expectancy by main occupational position among older workers: Who will live longer and happy? // SSM Population Health. 2021. Vol. 13. P. 1–9 <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100735>.
5. Калабина Е. Г., Газизова М. Р. Оценка трудового потенциала населения старших возрастов в Беларуси, Казахстане и России в системе регулирования рынка труда // Российские регионы в фокусе перемен. Сб. докладов XV междунар. конф. 10–14 нояб. 2020 г. / ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2021. Т. 1. С. 91–95.
6. Шестакова Н. Н., Васильев И. Г., Чистякова Н. Е. Исследование человеческого капитала старших возрастов. Постановка проблемы // Вестник Пермского университета. 2016. № 4 (31). С. 31–48. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2016-4-31-48>. (Экономика).
7. Круглов Д. В., Парик И. Ю., Круглова О. Д. Трудовой потенциал населения третьего возраста // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 1. С. 9–14. <https://doi.org/10.18334/et.7.1.41493>.
8. Барсуков В. Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены. Факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1(43). С. 195–213. <https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.13>.
9. Popova L. A., Zorina E. N. Implementing active aging in the labor sphere (case study of the Komi Republic) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13, No. 2. P. 143–156. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.9>.
10. Сувалко А. С. Эмоциональный капитализм. Коммерциализация чувств / Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 48 с.
11. Отраслевая и профессиональная структура занятости российских работников предпенсионного и пенсионного возраста / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (1 Мб). Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 39 с. (Проблемы рынка труда).
12. Сони́на Ю. В., Колосни́цына М. Г. Пенсионеры на российском рынке труда. Тенденции экономической активности людей пенсионного возраста. Демографическое обозрение. 2015. № 2. С. 37–53.
13. Сарычева Т. В. Методология комплексного статистического анализа занятости в Российской Федерации по видам экономической деятельности: дисс. ... д-ра экон. наук. Москва, 2017. 415 с.
14. Ляшок В. Ю. Пенсии, здоровье и спрос на труд как детерминанты экономической активности населения старшего возраста в России: дисс. ... канд. экон. наук. Москва, 2018. 159 с.
15. Российский рынок труда. Тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследования рынка труда НИУ ВШЭ / Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. Москва : Центр стратегических разработок, 2017. 148 с.
16. Колосни́цына М. Г., Герасименко М. А. Экономическая активность в пожилом возрасте и политика государства // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 47–64.
17. Сарычева Т. В. Структура занятости по видам экономической деятельности в России и динамика ее изменений // Региональная экономика и управление. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (48). URL: <http://eee-region.ru/article/4821/> (дата обращения: 20.03.2021).
18. Челомбитко А. Н. Разработка механизма управления формированием эффективной занятости пожилых людей // Экономика и менеджмент систем управления. 2017. № 3. С. 39–47.
19. Хайрутдинова Ю. В., Валеева А. Н. Анализ структурной динамики основных социально-экономических характеристик муниципальных образований Республики Татарстан // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5. С. 105–108.
20. Строева Г. Н., Горелова А. Д. Оценка сдвигов и различий в занятости населения субъектов ДФО // Вестник ТОГУ. 2018. № 2(49). С. 63–72.
21. Aging in Times of the COVID-19 Pandemic: Avoiding Ageism and Fostering Intergenerational Solidarity / Ayalon L., Chasteen A., Diehl M., Levy R. B., Neupert D. Sh., Rothermund K., Tesch-Rümer C., Wahl H.-W. // The Journals of Gerontology: Series B. 2021. Vol. 76, iss. 2. P. e49–e52. (B). <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa051>.
22. Age management in the workplace: manager and older worker accounts of policy and practice / Egdell V., Maclean G., Raeside R., Chen T. // Ageing & Society. 2020. Vol. 40 (4). P. 784–804. doi: 10.1017/S0144686X18001307.
23. Смирнова А. В. Предпосылки вовлечения лиц старших возрастов в предпринимательскую деятельность // Финансовая экономика. 2018. № 9. С. 396–400.
24. Kautonen T. Senior Entrepreneurship. A background paper for the OECD Centre for Entrepreneurship, SMEs and Local Development. URL: https://www.oecd.org/cfe/leed/senior_bp_final.pdf (date of access: 20.03.2021).
25. Kautonen T., Kibler E., Minniti M. Late-career entrepreneurship, income and quality of life // Journal of Business Venturing. 2017. Vol. 32. P. 318–333. doi:10.1016/j.jbusvent.2017.02.005.

References

1. Weber, P. & Schaper, M. (2004). Understanding the grey entrepreneur. *Journal of Enterprising Culture*, 12(2), 147–164. DOI: <https://doi.org/10.1142/S0218495804000087>.

2. Bijak, J., Kupiszewska, D., Kupiszewski, M., Saczuk, K. & Kicing, A. (2007). Population and labour force projections for 27 European countries, 2002–052: impact of international migration on population ageing. *European Journal of Population*, 23(1), 1–31. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-006-9110-6>.
3. Kalabina, E. G. & Gazizova, M. R. (2021). Stimulating employment of the older generation: foreign experience. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labour Economics]*, 8(2), 111–122. DOI: 10.18334/et.8.2.111753 (In Russ.)
4. Lozano, M. & Solé-Auró, A. (2021). Happiness and life expectancy by main occupational position among older workers: Who will live longer and happy? *SSM-Population Health*, 13, 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2021.100735>.
5. Kalabina, E. G. & Gazizova, M. R. (2020). Assessment of the labor potential of the older population in Belarus, Kazakhstan and Russia in the labor market regulation system. In: *Rossiyskie regiony v fokuse peremen. Sb. dokladov XV mezhdunar. konf. 10–14 noyab. 2020 g. [Russian Regions in the Focus of Changes: Conference proceedings of the XV International Conference. 10–14 November 2017; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «UrFU named after the first President of Russia B. N. Yeltsin»]* (pp. 91–95). Ekaterinburg: UMC UPI Publishing House. (In Russ.)
6. Shestakova, N. N., Vasiliev, I. G. & Chistyakova, N. E. (2021). The study of the older adults' human capital: setting the problem. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Ekonomika [Perm University Herald. Economy]*, 4(31), 31–48. DOI: <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2016-4-31-48>. (In Russ.)
7. Kruglov, D. V., Parik, I. Yu. & Kruglova, O. D. (2020). Labor potential of the population of the third age. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labour Economics]*, 7(1), 9–14. DOI: 10.18334/et.7.1.41493. (In Russ.)
8. Barsukov, V. N. (2016). Labor Activity of the Population of Retirement Age as a Factor in Socio-Economic Development of the Territory. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny. Fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 1(43), 195–213. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.13>. (In Russ.)
9. Popova, L. A. & Zorina, E. N. (2020). Implementing active aging in the labor sphere (case study of the Komi Republic). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 13(2), 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9.
10. Suvalko, A. S. (2013). *Emotsionalnyy kapitalizm: kommersializatsiya chuvstv [Emotional capitalism: the commercialization of feelings]*. Moscow: HSE Publishing House, 48. (In Russ.)
11. Lukyanova, A. L. & Kapeliushnikov, R. I. (2019). *Otraslevaya i professionalnaya struktura zanyatosti rossiyskikh rabotnikov predpensionnogo i pensionnogo vozrasta [Older workers in the Russian labor market: industrial and occupational composition of employment]*. Moscow: HSE Publishing House, 39. (In Russ.)
12. Sonina, Yu. V. & Kolosnitsyna, M. G. (2015). Pensioners on the russian labour market: trends of economic activity in pension age. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]*, 2, 37–53. (In Russ.)
13. Sarycheva, T. V. (2017). *Metodologiya kompleksnogo statisticheskogo analiza zanyatosti v Rossiyskoy Federatsii po vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti: diss. ... d-ra ekon. nauk [Methodology of complex statistical analysis of employment in the Russian Federation by types of economic activity. Thesis of Dr. Sci. (Econ.)]*. Moscow, 415. (In Russ.)
14. Lyashok, V. Yu. (2018). *Pensii, zdorove i spros na trud kak determinanty ekonomicheskoy aktivnosti naseleniya starshego vozrasta v Rossii: diss. ... kand. ekon. nauk. [Pensions, Health and Labor Demand as Determinants of the Economic Activity of the Older Population in Russia. Thesis of Cand. Sci. (Econ.)]*. Moscow, 159. (In Russ.)
15. Gimpelson, V., Kapelyushnikov, R. & Roshchin, S. (Eds.). (2017). *Rossiyskiy rynek truda. Tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya Doklad Tsentra trudovykh issledovaniy i Laboratorii issledovaniya rynka truda NIU VShE [Russian Labor Market: Trends, Institutions and Structural Changes. Report of the Center for Labor Market Studies and the Laboratory for Labor Market Studies of the National Research University Higher School of Economics]*. Moscow: Center for Strategic Research, 148. (In Russ.)
16. Kolosnitsyna, M. G. & Gerasimenko, M. A. (2014). Labour force participation of older citizens and public policy. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 4, 47–64. (In Russ.)
17. Sarycheva, T. V. (2016). Employment structure by economic activity and the dynamics of its changes. *Regionalnaya ekonomika i upravlenie. Elektronnyy nauchnyy zhurnal [Regional economics and management: electronic scientific journal]*, 4(48). Retrieved from: <http://eee-region.ru/article/4821/> (Date of access: 20.03.2021). (In Russ.)
18. Chelombitko, A. N. (2017). Development of formation mechanism older people effective employment. *Ekonomika i menedzhment sistem upravleniya [Economics and management of control systems]*, 3, 39–47. (In Russ.)
19. Khairutdinova, Yu. V. & Valeeva, A. N. (2019). Analysis of the structural dynamics of the basic social and economic characteristics of the municipal formations of the Republic of Tatarstan. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Journal of Altai Academy of Economics and Law]*, 5, 105–108. (In Russ.)
20. Stroeva, G. N. & Gorelova, A. D. (2018). The Estimation of Differences and Shifts in Employment of Population in Far Eastern Regions. *Vestnik TOGU [Bulletin of PNU]*, 2(49), 63–72. (In Russ.)
21. Ayalon, L., Chasteen, A., Diehl, M., Levy, B., Neupert, S. D., Rothermund, K., ... Wahl, H.-W. (2020). Aging in Times of the COVID-19 Pandemic: Avoiding Ageism and Fostering Intergenerational Solidarity. *The Journals of Gerontology: Series B*, 76(2), e49–e52. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa051>
22. Egdell, V., Maclean, G., Raeside, R. & Chen, T. (2018). Age management in the workplace: manager and older worker accounts of policy and practice. *Ageing & Society*, 40(4), 784–804. DOI: 10.1017/S0144686X18001307.
23. Smirnova, A. V. (2018). Prerequisites for involving older people in entrepreneurial activity. *Finansovaya ekonomika [Financial Economics]*, 9, 396–400. (In Russ.)
24. Kautonen, T. *Senior Entrepreneurship*. A background paper for the OECD Centre for Entrepreneurship, SMEs and Local Development. Retrieved from: https://www.oecd.org/cfe/leed/senior_bp_final.pdf (Date of access: 20.03.2021).

25. Kautonen, T., Kibler, E. & Minniti, M. (2017). Late-career entrepreneurship, income and quality of life. *Journal of Business Venturing*, 32(3), 318–333. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2017.02.005.

Информация об авторах

Калабина Елена Георгиевна — доктор экономических наук, профессор Уральского государственного экономического университета; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665> (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, 8 Марта, 62; e-mail: Kalabina@mail.ru).

Газизова Майя Ривелевна — аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, старший преподаватель кафедры экономики и международного бизнеса Карагандинского университета имени академика Е. А. Букетова; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7149-5130> (Республика Казахстан, 100026, г. Караганда, ул. Университетская, 28; e-mail: gazizova-maiya@mail.ru).

Хусайнова Жибек Сеитовна — кандидат экономических наук, профессор, декан экономического факультета Карагандинского университета имени академика Е. А. Букетова; Scopus Author ID: 57195557031; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2617-838X> (Республика Казахстан, 100026, г. Караганда, ул. Университетская, 28; e-mail: zhibek.khussainova@mail.ru).

About the authors

Elena G. Kalabina — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Ural State University of Economics; <https://orcid.org/0000-0002-3952-7665> (62, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: Kalabina@mail.ru).

Maiya R. Gazizova — PhD Student, Ural Federal University; Senior Lecturer, Department of Economics and International Business, Buketov Karaganda University; <http://orcid.org/0000-0002-7149-5130> (28, Universitetskaya St., Karaganda, 100026, Republic of Kazakhstan; e-mail: gazizova-maiya@mail.ru).

Zhibek S. Khussainova — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Dean of the Faculty of Economics, Buketov Karaganda University; Scopus Author ID: 57195557031; <https://orcid.org/0000-0002-2617-838X> (28, Universitetskaya St., Karaganda, 100026, Republic of Kazakhstan; e-mail: zhibek.khussainova@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 19.02.2021.

Прошла рецензирование: 27.03.2021.

Принято решение о публикации: 18.06.2021.

Received: 19 Feb 2021.

Reviewed: 27 March 2021.

Accepted: 18 Jun 2021.